

ПОЭТИКА «ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ» В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

Наталья Леонидовна ПОТАНИНА, Ксения Юрьевна ГОРЯЧЕВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Аннотация. Новизна и актуальность исследования обусловлены тем, что в ней проведен поэтологический анализ романа «Возвращение» современного немецкого писателя Б. Шлинка в ракурсе проблемы «вставных конструкций» как принципа организации художественного текста в романе новейшего времени. Сформулирована актуальная задача исследования творчества Б. Шлинка в свете проблем неклассической художественности, а также в связи с необходимостью выявления особенностей художественного осмысления важных социально-политических процессов современной эпохи. В результате проведенного анализа показана новая поэтологическая значимость «вставных конструкций», ставших существенным элементом текстовой организации романа «Возвращение». Установлено, что нарратив и «вставные конструкции» не просто наслаиваются друг на друга в тексте романа, но взаимопроникают и взаимодействуют друг с другом, порождая тем самым новые оттенки и новые сочетания смыслов, – что позволяет художественно выразить сложность и калейдоскопичность современного мира. Тем самым обоснована включенность современного немецкого романа в общий для искусства процесс выработки адекватных поэтологических средств, направленных на отражение изменившихся представлений о человеке и мире.

Ключевые слова: Б. Шлинка; роман «Возвращение»; «вставная конструкция»; жанровая парадигма; «память жанра»; неклассическая художественность; интеллектуальный фашизм

Одной из характерных особенностей современной прозы является тенденция к обновлению способов конструирования художественного текста, что связано с новым пониманием взаимоотношений между искусством и действительностью, автором и читателем. Действенным способом выражения этих новых взаимоотношений становится конструирование текста по принципу свободного «рассказывания». В таком повествовании, как и в жизни, возможны отвлечения от основного сюжета, введение новых рассказчиков, а значит, и новых точек зрения, спонтанное припоминание рассказчиками новых сюжетов и их подробностей, смешение и/или смещение временных и пространственных пластов и т. п. Эти актуальные сегодня возможности нарратива реализуются благодаря использованию с новым функциональным назначением приема «текст в тексте». Новизна приема проявляется в том, что вставленный текст (или «вставная конструкция») в современной прозе перестает быть вспомогательным элементом, но постепенно обретает ведущую роль, концентрируя в себе важней-

шие идеологические смыслы и сюжетные функции.

В традиционном понимании текст в тексте «...представляет собой целиком или частично включенный в основное повествование, автономный по сюжету и/или жанру другой текст, который в своем полном виде способен к самостоятельному существованию вне пределов произведения, в которое он включен» [2, с. 32]. При этом он может выполнять «задачу описания или написания другого текста» [7, с. 308], не будучи только «...элементом эрудиции автора и чисто внешним украшением. Взаимодействие текстов может быть в высшей степени сложным, оригинальным и особенно значимым для сюжета, композиции произведения и особенно его смысла» [1, с. 102].

«Текст в тексте» не является исключительно принадлежностью современной литературы. Однако сегодня данная модель обретает иные функции, чем ранее. В этом новом качестве вставной текст служит «опознавательным знаком» современной неклассической прозы [3, с. 213].

Обновление принципов функционирования «вставных конструкций» в современном романе описано в монографии С.Г. Исаева и Н.Г. Владимировой «Актуальная поэтика: смена художественной парадигмы» (2017) [3]. Как убедительно показано в этой монографии, герой, рассказывающий свою историю, функционирующую в романе как вставной текст, является одним из персонажей этого романа, а не его автором. Это обстоятельство служит дополнительным фактором верификации повествования, указывающим как на его неординарность, так и на несомненную подлинность рассказанного. Вследствие этого возникает новый уровень взаимодействия «внутреннего» и «внешнего» текстов, формируется более сложная смысловая атмосфера художественного произведения. С точки зрения такого подхода, «рассказанные истории» придают «вставным конструкциям» иное значение. Их включение в текст связано со стремлением культуры последних десятилетий отыскать и скорректировать утраченные ранее границы между иллюзией искусства и действительностью. «Новый конфликт в сфере восприятия связан с желанием пересмотреть границу между искусством и обыденной, тривиальной реальностью, и благодаря этому обновить жизнестроительные тенденции культуры», – справедливо замечают С.Г. Исаев и Н.Г. Владимирова [3, с. 213]. «Вставные конструкции» формируют внутреннюю диалогичность текста, указывают на наличие коммуникации «автор – читатель». Характер «вставных конструкций» определяется процессами «взаимного влияния и перестройки как «памяти жанра», вторгающегося в повествование, так и основного романного текста» [3, с. 180]. Явление «памяти жанра» в данном случае не замыкается в пределах жанра «иноного», включенного текста. В момент инкорпорации текста иной жанровой природы в парадигму жанра «принимающего» запускается процесс, в ходе которого, по мысли Ю.М. Лотмана, «принципы одного жанра перестраиваются по законам другого» [4, с. 185]. При этом вставленный в повествование текст не только гармонично вписывается в структуру произведения, но и «сохраняет память об иной системе кодирования» [3, с. 180].

Цель настоящей статьи заключается в определении поэтологических особенностей «вставных конструкций» в романе Б. Шлинка (р. 1944) «Возвращение» (нем. “Die Heimkehr”, 2006). Многие произведения автора написаны в традиции классического социально-психологического романа. При этом писатель продуктивно использует приемы включения в традиционную жанровую парадигму текстовых конструкций иной жанровой природы. Гипотеза статьи состоит в том, что поэтологическая специфика «вставных конструкций» в романе Б. Шлинка связана с принципиальной для автора установкой на фрагментарность художественного текста, отражающую концептуальное представление о калейдоскопичности современного мировосприятия.

Функциональность «вставных конструкций» в романе Б. Шлинка обусловлена двумя основными факторами: их собственной жанровой природой и жанровой природой «принимающего» текста. В жанровом отношении эти «вставные конструкции» несут в себе «память» мемуаров, легенды, притчи, приключенческого романа, «черной комедии», письма, публицистической статьи. При этом жанровая парадигма романа, в который они инкорпорируются, оказывает на них свое воздействие, частично изменяя их собственные характеристики.

Инкорпорирование «вставных конструкций» в структуру романа совершается разными способами. Во-первых, это способ «двойного кодирования» [6, с. 416]. Истории, рассказанные герою его дедом, даются как первоначально воспринятые ребенком, а потом «перекодированные» сознанием взрослого человека, живущего в конце XX столетия. Разновидностью этого способа является перекодирование в сознании разных персонажей – уже взрослого Петера Дебауера или его отца Фонландена-де Баура – «чужих» сюжетов и жанров: мифа об Одиссее и «черной комедии».

Второй способ внедрения «вставных конструкций» в художественную ткань романа состоит в использовании известного приема «найденных рукописей» и их прямом цитировании. Так обстоит дело в случаях с «приключенческим романом», «статьями» и «письмом» Фолькера Фонландера.

Рассмотрим подробнее некоторые из этих случаев. Один из них – мемуары, написанные дедом центрального героя. Как и подобает мемуарам, они насыщены биографическими подробностями. В них, опять же по законам этого жанра, угадывается как лирическая интонация, так и движение времени, общего для целого поколения. Вместе с тем в этом вставном тексте отчетливо ощущается иной, чем в начале прошлого века, ритмический строй, иной способ «подачи» жизненного материала. Это звучит голос нашего скоростного времени, голос «внука», читающего и одновременно «транслирующего» читателю-современнику воспоминания своего «деда». Биографические факты следуют один за другим. Страны и континенты сменяют друг друга. В одном абзаце умещается несколько десятилетий. Глобально, профессионально и лично значимые события даются в одном быстро меняющемся ряду, с некоторой отстраненностью, заставляющей вспомнить об эпической природе романа. Налицо характерное для романа многоголосие (М.М. Бахтин): интенции автора мемуаров вступают в диалог с интенциями центрального героя (Петера Дебауера), трактующего эти мемуары, а также с собственными интенциями адресанта и адресатов – последние подключаются к этому диалогу в процессе чтения.

В текст романа включено и несколько «вставных конструкций», восходящих к жанру «рассказанных историй». Речь здесь идет об увлекательных историях, рассказанных дедом центральному герою, Петеру Дебауеру, в годы его детства: «Ни одна прогулка, ни одно путешествие, ни один пеший поход не обходился без рассказов о событиях из швейцарской и немецкой истории, и в особенности – из истории войн» [8, с. 17]. Анализируя рассказанные дедом истории о военных событиях, Петер Дебауер познает особенности восприятия мира, обусловленные национальной ментальностью, а истории о судебных ошибках в дальнейшем помогают герою осознать свою (пусть и противоречивую) связь с потерянным отцом.

Рассказы о военных действиях, в которых принимали участие предки главного героя, раскрывают истоки аксиологических представлений Петера Дебауера. «Аксиология национальной памяти в этих «вставных

конструкциях» вступает в диалог с ее сегодняшним восприятием. На этой основе возникают коллизии общего и индивидуального, эпического и лирического, возвышенного и обыденного» [5, с. 32]. Таким образом, «рассказанные истории» о героических битвах оказываются соотношенными с собственными представлениями героя о долге, чести, морали. Он размышляет над поступком рыцаря, пославшего своим врагам стрелу с предупреждением о наступлении: «Разве это не предательство? Разве предательство не принизило подвиг швейцарцев?» [8, с. 18]. Дедушка отвечает на это суждением, исполненным здравого народного смысла: «Рыцарь был свободным человеком. Он не обязан был держать сторону австрийцев, а мог встать на сторону швейцарцев или не вставать ни на чью сторону. <...> Если правильный поступок приходится совершать тайком, он от этого не становится неправильным» [8, с. 18].

В историях, услышанных героем от деда, автор особо акцентирует те, которые наиболее ярко отражают народную ментальность: взгляды, поведенческие особенности, отношение к себе и другим. Таковы истории о «битве при Моргартене», «битве при Земпахе», «битве при Санкт-Якобе-на-Бирсе». Каждая из них преподает некий важный урок. Например, о том, что «...избежать ошибок не может никто. Однако никто не обязан повторять одну и ту же ошибку. ...Полезный урок надо извлекать не только из своих поражений, но также из одержанных тобою побед» [8, с. 19]. Рассказанные дедом истории играют большую роль в обрисовке характера главного героя. Анализируя эти истории, Петер Дебауер постепенно осознает основы собственной идентичности.

Не менее важную роль в романе «Возвращение» играют «вставные конструкции», повествующие о судебных ошибках. В текст романа включены услышанные героем от деда истории о судебном процессе графа фон Шметтау против мельника Арнольда и суде над Орлеанской девой – Жанне д'Арк. Обращение к истории, по мнению И. Рогановой, «привносит гармонию и классичность» в роман, а также «противостоит страху утраты идентичности» [6, с. 357]. Вопросы права в общем идеологическом пространстве романа становятся «объектом напряженной рефлекс-

сии» [5, с. 32]. Рассказ о судебном процессе графа фон Шметтау представлен на страницах немецких учебников по истории. Он также именуется «Мифом о немецком порядке». Он призван утвердить идею о справедливости прусского короля Фридриха Великого, выступившего в качестве защитника права и неприкосновенности судей. Однако в реальности прусский правитель вовсе не был таким справедливым, каким его представляют учебники, а судьи, осмелившиеся защищать права обычного человека, отнюдь не остались неприкосновенными. Желая показать себя в качестве главной опоры справедливости, Фридрих Великий неоднократно допускал непоправимые ошибки. Доказательством этого и является история о судебном процессе между графом фон Шметтау и мельником Арнольдом. Не разобравшись в деле, правитель встает на сторону слабого и наказывает не только графа, но и судей, вынесших решение не в пользу мельника, тем самым снискав себе одобрение народа. Однако мельник на самом деле был сутяжником и аферистом, а не беззащитным страдальцем – как казалось королю. Выяснить, кто же на самом деле виновен, и оправдать тех, кто был ошибочно осужден, удалось только после смерти Фридриха Великого. Но в памяти народа все же осталась не история с несправедливой карой, а рассказ о праведном короле, который печется о равенстве всех перед судом.

Во всемирно известной истории Жанны д'Арк несправедливость суда в итоге привела к более трагическим последствиям. Обвиняемая в колдовстве и вероотступничестве, а также во множестве других преступлений, невинная девушка, когда-то возглавлявшая французскую армию, была приговорена к сожжению. Но несмотря на все обвинения, Орлеанская дева запомнилась народу своей отвагой и самопожертвованием и стала символом освобождения и силы духа французского народа.

Смысл рассмотренных историй заключается не в допущенной несправедливости, а в указаниях на справедливые последствия, к которым, как это ни парадоксально, могли привести судебные ошибки. «Ведь, несмотря на то, что отличительным признаком судебной ошибки является несправедливость, зна-

менитые судебные ошибки зачастую приобретали историческое значение, далеко выходящее за пределы несправедливости решения» [8, с. 20]. Таким образом, случай с графом и мельником, как и трагическая судьба Орлеанской мученицы, приобрели историческое значение. «Как без мельника Арнольда не существовало бы прусское правовое государство, так без Жанны не состоялось бы освобождение Франции» [8, с. 22]. Как видим, в данном случае «вставные конструкции» передают народные представления о праве и справедливости, долге и чести, верности и предательстве, а тем самым – участвуют в выстраивании общей идеологической концепции романа. Кроме того, они являются действенным средством изображения характера главного героя в его развитии. Очевидно, что особенности его мировосприятия, в известной степени, были заложены уже тогда, когда он слушал рассказанные дедом истории. Кажущаяся простота и безыскусственность этих историй выражается в примитивности их лексики и синтаксического строя. Но глубокомысленность выводов, которые следуют из этих историй, свидетельствует о том, что они сформулированы уже на уровне зрелого сознания, из перспективы взрослого героя, живущего в конце XX века.

Поражение Германии во Второй мировой войне обусловило пристальный интерес ее граждан к историческому прошлому, к причинам возникновения нацизма и его последствиям, к путям воздействия националистической идеологии на повседневную жизнь. Б. Шлинк принадлежит к поколению, представителей которого нередко называют «детьми Третьего рейха». Значительная часть «вставных конструкций» отражает размышления автора об опасности «возвращения» нацизма и о способах противостояния ему в современном мире. Ключевыми здесь становятся вставные тексты, авторство которых приписывается одному из персонажей романа – Фолькеру Фонландену. Наиболее объемный из них, «приключенческий роман о Карле», является, безусловно, и самым существенным для понимания общего смысла и всей художественной структуры романа «Возвращение», а потому его анализ должен стать предметом отдельной работы. Кроме него, в роман включены «статьи» нацистско-

го преступника Фонландена и его же письмо к девушке, относящееся ко времени Второй мировой войны. Одна из «статей» названа «Железное правило». В сюжетном отношении она служит одной из значимых вех на длинном пути поисков отца центральным героем романа Петером Дебауером. В статье хладнокровно оправдываются зло, насилие и ксенофобия национал-социалистов. Основная идея статьи состоит в следующем: «Право основано не на золотом правиле, а на правиле железном. Причиняй другим то, что по силам вынести тебе самому. <...> Той опасности, которой ты готов подвергнуть себя, ты имеешь право подвергнуть и других, тем, чем жертвуешь ты, должны жертвовать и другие. Из этого правила рождается авторитет, рождается Вождь <...> Там, где я готов пойти на смерть, я тоже имею право убивать» [8, с. 141].

«Вставные конструкции», содержащие в себе рассуждения нациста Фонландена, «демонстрируют преступную изощренность псевдоинтеллектуального «оправдания» фашизма, ксенофобии, антисемитизма и изуверской жестокости по отношению к народам, подвергшимся военной агрессии фашистской Германии» [5, с. 32]. Их автор, скрывавшийся в первые послевоенные десятилетия и в конце XX века по-прежнему исповедующий идеологию нацизма, ничуть не раскаивается в совершенных преступлениях. Напротив, завоевав авторитет в научной сфере, он, в 1990-е гг. ставший профессором Калифорнийского университета Джоном де Бауром, во всеуслышание заявляет о возможности оправдать жестокость и насилие над человеком. Он презрительно отзывается о требования честности, так как считает ее бесполезной и нецелесообразной. «Бедность и нищета способствуют прогрессу и развитию культуры, насилие обеспечивает мир, невинные жертвы способствуют успеху в справедливой войне», – утверждает де Баур [8, с. 259]. Теория успешного и влиятельного профессора Джона де Баура, справедливо именуемая «интеллектуальным фашизмом», активно распространяется им в студенческой среде начала 90-х гг. XX века. Поняв, что его идеи вызвали публичное осуждение, нацист мастерски подвергает свои тексты «показательной деконструкции», тем самым пытаясь

избежать ответственности за распространение фашистской идеологии. Так в романе обосновывается проблема опасности возвращения фашизма в его наиболее изощренной – «псевдоинтеллектуальной» – форме, а значит, и повторения тех событий, которыми отмечена трагическая история XX века.

Показательна полемика о «добре» и «зле», которую Петер Дебауер ведет со своим отцом. В связи с этим в текст романа включается «вставная конструкция», представляющая собой изложение сюжета пьесы «Мозаика», которую обсуждают приглашенные на дружеский ужин у профессора де Баура. Жанровое обозначение пьесы – «черная комедия» – говорит само за себя. «Сюжет комедии был построен по образу и подобию экспериментов социального психолога Стенли Милграма, во время которых испытуемый должен задавать вопросы другому человеку, участвующему в опыте, и за неправильные ответы наказывать отвечающих ударами тока, причем увеличивать силу тока, пока человек не закричит от боли, не станет молить о пощаде и наконец не умолкнет...» [8, с. 254]. Несмотря на «сглаживание» исходных жанровых характеристик вследствие приспособления пьесы к романной стихии, драматическая жанровая природа этого вставного фрагмента существенно изменяет строй дальнейшего повествования. Это один из тех случаев, когда отмеченная выше внутренняя диалогичность романа становится эксплицитной. Это проявляется в том, что следующий текстовый период романа строится как драматический диалог. Студенты живо обмениваются репликами, обсуждая описанный в пьесе психологический эксперимент. Они высказывают разные точки зрения, но лишь одна из них побуждает профессора де Баура активно вмешаться в дискуссию. Эта точка зрения такова: «Ведь невозможно... нельзя, чтобы экспериментировали с живыми людьми!» В этот момент профессор решительно возражает: «Нельзя? Испытуемые у Милграма говорили об этом иначе. Для них этот эксперимент был возможностью лучше узнать себя и, – он сделал небольшую паузу, – узнать, что такое страх» [8, с. 256]. За этим следуют без ремарок очередные реплики. О том, кто их произносит, не говорится, и читатель, подобно тому, как это

бывает во время спектакля, должен сам распознавать говорящего: «Но ведь эксперимент не был благом. Людей обманывали и использовали, заставляли их делать нечто, чего бы иначе они не стали делать. Вы хотите, чтобы с Вами так обошлись?» [8, с. 256]. Читателю, пристально следящему за полемикой, очевидно, что эта реплика принадлежит Петеру Дебауэру – главному идейному оппоненту де Баура. «Де Баур поднял руки, словно защищаясь, снова опустил их и засмеялся: – Разве нужно, чтобы я хотел? Разве недостаточно того, что я готов предположить, что способен на это – ради науки и прогресса?» [8, с. 256]. В этой точке сюжета совершается *возвращение* к той самой идее «железного правила», нацистской по своей сути, которая еще в годы фашистской Германии была сформулирована в статье Фолькландера-де Баура. Сын сразу распознает ее в словах отца. «Золотое правило вам кажется слишком мягким? Не желаете ли установить более жесткое, железное правило?» [8, с. 256] – формулирует он то, что было недосказано сегодняшним Фолькландером-де Бауром.

В ракурсе нашей проблемы важно подчеркнуть, что здесь драматологический эпизод (о пьесе «Мозаика») не только сам изменяет свои жанровые характеристики, включаясь в парадигму романа, но и порождает изменения в следующем за ним тексте. Этот дальнейший текст тоже организуется драматологически: как серия диалогов профессора де Баура и студента Дебауэра. В них первый развивает свои представления об общественном праве и личной ответственности, о тотальном преобладании зла и о его так называемой «доброй стороне», будто бы заключающейся в том, «что зло можно поставить на службу добру» [8, с. 259]. По мнению де Баура, идея правового общества ложна, так как происходящее в условиях глобализации крушение национальных устоев не приводит ко «всеобщему братству», но заставляет людей объединиться на основе «права сильного». Позиция Джона де Баура по-прежнему основана на нацистских идеях, только поданных в модернизированной, а потому еще более изощренной и опасной форме.

Таким образом, роман Б. Шлинка «Возвращение» убедительно демонстрирует насущную потребность современной литерату-

ры в обновлении способов художественной изобразительности, что связано с радикальными изменениями в картине мира современного человека и усложнением представлений об отношениях искусства и действительности.

Эти новые черты современной литературы проявляют себя в конструировании текста романа Б. Шлинка «Возвращение» по принципу свободного «рассказывания», что сообщает особую поэтологическую значимость «вставным конструкциям» (вставным текстам). Эти конструкции несут в себе жанровую «память» мемуаров, легенды, притчи, приключенческого романа, «черной комедии», письма и публицистической статьи. Поэтика «вставных конструкций» в романе «Возвращение» обусловлена как их собственной жанровой природой, так и жанровой парадигмой «принимающего» романа, которая, изменяясь сама при их включении, вместе с тем, изменяет и их природу. Инкорпорирование «вставных конструкций» в структуру романа обуславливает образование многослойной текстовой организации, в которой все составляющие взаимопроникают и взаимодействуют друг с другом, порождая тем самым новые оттенки смыслов и новые их комбинации, что способствует художественному осмыслению мировосприятия современного человека.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
2. Геращенко А.М. Типологизация вставных текстов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 54. С. 35-43.
3. Исаев С.Г., Владимирова Н.Г. Актуальная поэтика: смена художественной парадигмы. Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2017. 482 с.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
5. Потанина Н.Л. Актуальные способы конструирования текста в современном западноевропейском романе // Неофилология. Тамбов, 2018. Т. 4. № 13. С. 30-38.
6. Роганова И. Немецкая литература конца XX века и актуализация постмодернистской парадигмы. М.: Рудомино, 2007. 416 с.

7. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.	Поступила в редакцию 20.08.2018 г. Отрецензирована 26.09.2018 г.
8. Шлинка Б. Возвращение. СПб.: Азбука-классика, 2010. 320 с.	Принята в печать 24.10.2018 г. Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Потанина Наталия Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Горячева Ксения Юрьевна, магистрант по направлению подготовки «Филология». Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: ksusha.gorya@mail.ru

Для корреспонденции: Потанина Н.Л., e-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Для цитирования

Потанина Н.Л., Горячева К.Ю. Поэтика «вставных конструкций» в романе Б. Шлинка «Возвращение» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 73-80. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-73-80.

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-73-80

POETICS OF “INSERTED CONSTRUCTIONS” IN THE NOVEL BY B. SCHLINK “HOMECOMING”

Natalia Leonidovna POTANINA, Ksenia Yurievna GORYACHEVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Abstract. The novelty and relevance of the research are as it contains a poetic analysis of the novel “Homecoming” of the modern German writer B. Schlink in the perspective of the issue of “inserted constructions” as a principle for organizing an artistic text in the contemporary novel. We form the current task of researching B. Schlink’s work in the light of the problems of non-classical artistry, and also with the need to identify the characteristics of understanding in the novel of the important social and political processes of the modern era. As a result of the analysis we show a new poetic significance of “inserted constructions”, they become an essential element of the textual organization of the novel “Homecoming”. On this basis we establish that narrative and “inserted constructions” not only overlap, but also interpenetrate and interact on each other in the text of the novel, so they generate new shades and new meaning combinations – this enables to artistically express the complexity and kaleidics of the modern world. This justifies the modern German novel inclusion in the general art process of adequate poetic tools development aimed at reflecting the changed ideas about the man and the world.

Keywords: B. Schlink; the novel “Homecoming”; “inserted construction”; genre paradigm; “memory of the genre”; non-classical artistry; intellectual fascism

References

1. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow, Logos Publ., 2003. (In Russian).
2. Gerashchenko A.M. Tipologizatsiya vstavnykh tekstov [Typologisation of inserted texts]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2008, no. 54, pp. 35-43. (In Russian).

3. Isayev S.G., Vladimirova N.G. *Aktual'naya poetika: smena khudozhestvennoy paradigmy* [Current Poetics: the Change of the Artistic Paradigm]. Velikiy Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2017, 482 p. (In Russian).
4. Lotman Y.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [In the Thoughtful Worlds. Human – Text – Semiosphere – History]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996, 464 p. (In Russian).
5. Potanina N.L. Aktual'nye sposoby konstruirovaniya teksta v sovremennom zapadnoevropeyskom romane [Current methods of the text constructing in the modern West European novel]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 13, pp. 30-38. (In Russian).
6. Roganova I. *Nemetskaya literatura kontsa XX veka i aktualizatsiya postmodernistskoy paradigmy* [German Literature of late 20th Century and Postmodernism Paradigm Actualization]. Moscow, Rudomino Publ., 2007, 416 p. (In Russian).
7. Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of Culture in 20th Century]. Moscow, Agraf Publ., 1997, 384 p. (In Russian).
8. Schlink B. *Vozvrashcheniye* [Homecoming]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2010, 320 p. (In Russian).

Received 20 August 2018

Reviewed 26 September 2018

Accepted for press 24 October 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Potanina Natalia Leonidovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: tatulia_tmb@mail.ru

Goryacheva Ksenia Yurievna, Master's Degree Student in "Philology" Programme. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: ksusha.gorya@mail.ru

For correspondence: Potanina N.L., e-mail: tatulia_tmb@mail.ru

For citation

Potanina N.L., Goryacheva K.Y. Poetika «vstavnykh konstruktsiy» v romane B. Shlinka «Vozvrashcheniye» [Poetics of "inserted constructions" in the novel by B. Schlink "Homecoming"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 73-80. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-73-80. (In Russian, Abstr. in Engl.).